

Кульминацией действа было возвращение Лондону его корпоративных прав. Королева выступала в роли ходатая перед мужем:

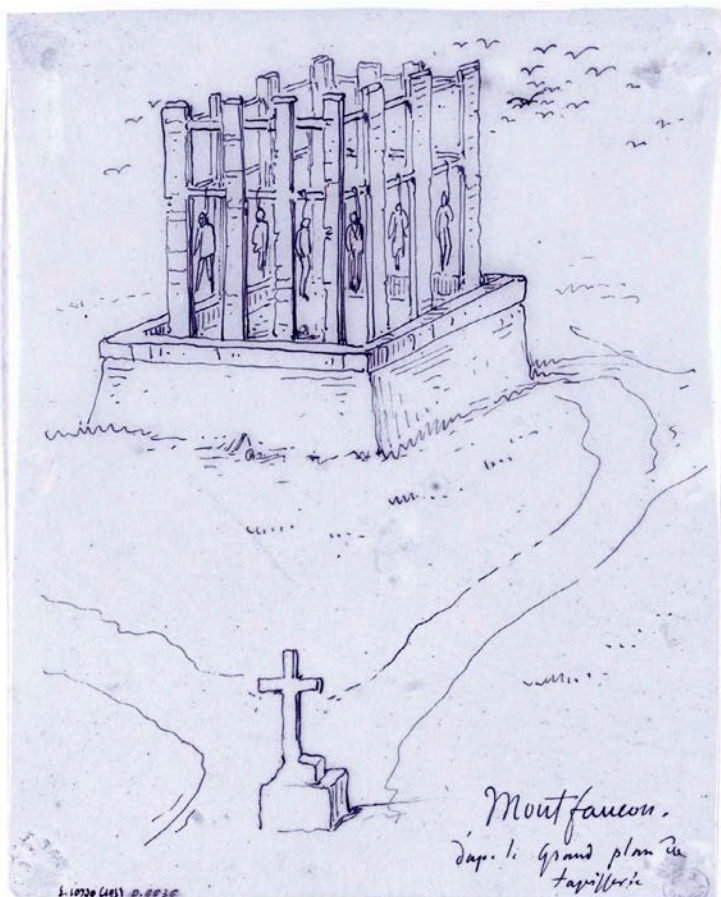
*Какой еще на свете король правит таким городом, как этот,
Что сегодня прославляет и возвеличивает твое имя? <...>
Молю, снизойди с к людям, которые принесли дары
С такой готовностью служить нам обоим,
И прошу, возврати этому городу его древние права³³.*

Разумеется, ее просьба была немедленно удовлетворена.

Театр правосудия в пространстве города

Городу было необходимо заботиться о порядке на площадях и улицах и о безопасности жителей, поэтому ритуалы, связанные с отправлением правосудия, занимали особое место в повседневной реальности общины. Коммуна могла выносить и приводить в исполнение приговоры в рамках собственной юрисдикции. Одновременно в городах действовали королевские, сеньориальные и церковные суды.

В Средневековье реализация правосудия была публичным действием. Наказание преступников, конечно, не относилось к праздникам, но имело отчетливо театрализованный характер. И судебное разбирательство, и приведение приговора в исполнение были подчинены церемониальному распорядку. Все общество — представители власти, судьи, духовенство и рядовые зрители — должно было иметь возможность лицезреть казнь и таким образом удостовериться в соответствии персоны приговоренного, способа наказания и действительности его исполнения. В средневековом сознании любое преступление совершалось не просто в отношении конкретного пострадавшего.

Виселица Монфокон

Франсуа Аалександр Перно, XIX в.

Действия злоумышленника угрожали внутреннему миру и порядку, представлялись болезнью, поражавшей «тело» общины — будь то захудалая деревня, город, королевство или весь христианский мир. Этим объясняется жестокость и обязательная зрелищность наказаний: страдания преступника

воспринималось как компенсация за нанесенный обществу ущерб.

Под влиянием популярного кинематографа у современного человека может сложиться впечатление, что в темном и жестоком Средневековье рубили головы или сжигали на кострах чуть ли не ежедневно и при каждом удобном случае.

Театр правосудия действительно был постоянной частью городской жизни, однако количество реальных смертных приговоров было невелико. Высокая младенческая и женская смертность, гибель мужчин в войнах, косившие людей эпидемии — все это побуждало к тому, чтобы не расходовать человеческие жизни без необходимости. Так, с 1387 по 1400 г. Парижский парламент (высший суд Французского королевства) рассмотрел 200 уголовных дел, из которых только четыре закончились смертным приговором. В Аррасе суд регулярно приговаривал виновных к телесным наказаниям, при этом казнили одного человека в год. К смерти чаще всего приговаривали чужаков и молодых неженатых мужчин. Женщин осуждали на смерть крайне редко (судьи, очевидно, делали скидку на то, что женщина слаба, неразумна и склонна творить зло просто по своей природе, а не в силу умысла или свободного решения). Представителей знати по традиции казнили, отрубая голову мечом (в исключительных случаях могло применяться четвертование). Приговоренных к смерти за распространение ереси сжигали на костре.

Публичные казни и наказания имели практически такую же пространственную структуру, как и городские праздники, и в той же мере отражали внутреннюю иерархию общества. Шествие к месту казни было организовано в виде процессии с участием должностных лиц и духовенства, а в виновника действия летели уже не цветы и радостные восклицания, как это было при встрече короля, а проклятия и комья грязи. Простолудинов вели по городу или везли прикованными к телеге;

знатных особ к месту казни препровождали в повозке. Перед казнью простолюдинов обнажали до пояса, знатные особы оставались одетыми.

Театр средневекового правосудия предполагал динамику действия и эмоциональную вовлеченность зрителей и участников. Весь путь к месту экзекуции давал осужденному множество возможностей для церковного покаяния, и толпа внимательно наблюдала за тем, изрыгает ли приговоренный проклятия или же молится и просит прощения. Публичное покаяние по пути на эшафот или непосредственно перед казнью могло изменить настроение зрителей с осуждения на глубокое сочувствие.

Виселица Монфокон

Адель Лаисне, XIX в.

Самой позорной по средневековым меркам была казнь через повешение. Она применялась только к простолюдинам, совершившим убийство или разбой (лишь в раннее Новое

время казнь через повешение начали применять к закоренелым вора́м). Виселицы возводились за городскими стенами и служили как для непосредственного умерщвления, так и для выставления тел напоказ (в том числе и тех несчастных, что были казнены в городе иными способами). Таким образом совершалось символическое исключение преступника из общины. Останки могли находиться на всеобщем обозрении до их полного разложения. Конечности тел были закованы в цепи, при раскачивании ветром проходившие мимо путники вздрагивали от жуткого зрелища и одновременно от леденящих кровь звуков. Дальнейшее погребение казненных вне церковной ограды, за границей города также было символическим действием, отторгавшим умершего от сообщества верных христиан в земной жизни и в вечности. Не только позорная смерть, но и крайне незавидная посмертная судьба преступников должны были предостерегать живущих от дурных деяний.

Впрочем, многие современники прекрасно понимали, насколько разные пути могли привести человека на виселицу. Франсуа Вийон (1431–?), сам чудом избежавший петли, обвиненный в убийстве и разбое, в «Балладе повешенных» призывает к милосердию и молитве за грешные души:

*О люди-братья, мы взываем к вам:
Простите нас и дайте нам покой!
За доброту, за жалость к мертвецам
Господь воздаст вам щедрою рукой.
Вот мы висим печальной чередой,
Над нами воронья глумится стая,
Плоть мертвую на части раздирая,
Реут бороды, пьют гной из наших глаз...
Не смейтесь, на повешенных взирая,
А помолитесь Господу за нас!*

*Мы — братья ваши, хоть и палачам
Достались мы, обмануты судьбой.
Но ведь никто, — известно это вам? —
Никто из нас не властен над собой!
Мы скоро станем прахом и золой,
Окончена для нас стезя земная,
Нам Бог судья! И к вам, живым, взывая,
Лишь об одном мы просим в этот час:
Не будьте строги, мертвых осуждая,
И помолитесь Господу за нас!³⁴*

Городская среда была куда более благодатной почвой для совершения преступлений, чем деревня с ее традиционным укладом и жизнью у всех на виду. Чем интенсивнее развивалась торговля, тем сильнее был соблазн обмануть покупателя или партнера; чем чаще горожане и приезжие доставали звонкую монету, тем чаще умелая рука карманника срезала с пояса их кошель; чем плотнее друг к другу стояли дома, тем больше возможностей было у вора незаметно проникнуть в богатое жилище. В тавернах и закоулках совершались прелюбодеяния, в сточных канавах находили утопленными нежеланных младенцев, под покровом ночи сбивались разбойничьи банды. Все эти преступления также должны были быть раскрыты, а виновные — наказаны так, чтобы другим было неповадно. И эти наказания должны были быть видимыми, зрелищными.

Одним из самых популярных наказаний за нетяжкие преступления (в том числе связанные с общественной нравственностью) было проведение виновного раздетым по улицам города под свист и улюлюкание. Практиковалось и выставление у позорного столба (время, проведенное в этом унижительном положении, могло меняться — от часа до целого дня, в зависимости от тяжести проступка). Наказание могло

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

